
ЭМИН ДЖАФАРОВ

ства, возник СССР, вместо российского народа стал советский. Но он действительно был, и СССР распался не от того, что это была иллюзия, а совсем по другим причинам.

— В нашей стране часто говорят: «Нет ничего более непредсказуемого, чем наша история». Иногда говорят и о том, что этому способствует отсутствие фундаментального осмысления некоторых исторических событий. Эта точка зрения обоснованна?

— Скорее нет. История — профессиональное занятие, наука. Может, не столь точная, как математика или физика, но, как и другие социальные науки, она имеет свой метод и требует специальной подготовки. Правда, особенность истории в том, что она не является исключительной областью профессионалов, привлекает людей самого разного типа: культурных деятелей, просто любителей.
И все же в истории есть определенный объем знаний, которые являются доказанными, апробированными — общее разделяемое профессионалами знание. Например, о том, что была древняя новгородская государственность, там действительно писали на берестяных грамотах и они не были закопаны специально гораздо позже. Никто не подвергает сомнению, что в 1812 году было нашествие Наполеона и что был пожар в Москве.
С другой стороны, история обладает специальным свойством: каждое новое поколение пишет свою версию истории. Не заново переписывает, а открывает для себя какие-то темы, которые более значимы именно сегодня. Или же открываются новые источники, совершаются открытия археологические, архивные, которые дополняют наши знания. Поскольку история не свободна от идеологии и политики, в этих версиях присутствует политическая составляющая, социальный заказ. Кстати говоря, и средневековые хроники, и наши древнерусские летописи тоже были писаны по заказу правящих в то время монархов. И историки раскрывают эту интерпретацию в угоду правящим монархам. Искусство историка в том, чтобы видеть и субъективные, и объективные вещи, факты в прошлых интерпретациях.
Даже в самые «нормальные» времена существует временная дистанция между событием и тем, когда историки начинают его описывать. Правда, в каждом обществе это может быть по-своему. Когда праздновали 200-летие французской революции, пошла байка: «А китайцы сказали: это слишком рано, мы пока воздержимся от интерпретации». С их позиции это еще не та дистанция. С нашей позиции два десятилетия может быть достаточно, чтобы включать в учебники истории.
Есть традиционное разделение для такого включения: конец деятельности предыдущей администрации. Скажем, закончил правление Обама: Трампа пока в учебники рано, а Обаму уже можно. Но иногда общество переживает глубокие трансформации, геополитические потрясения — такие, как, скажем, распад СССР и возникновение новых государств. Это, конечно, сразу вызывает более радикальные пересмотры в истории. Когда я учился, для нас Великий Октябрь, 17-й год — это было начало новой эпохи всемирной истории. А для моей бабушки это было «до переворота» и «после переворота». Нынешнее поколение в своих оценках находится где-то между. При этом юбилей, столетие революции 17-го года, мобилизовал силы историков, что позволило утвердить обновленную концепцию — концепцию Великой российской революции 17-го года. То есть это и великая, и революция (а не переворот), и она 17-го года, что объединяет и октябрь, и февраль, и даже Гражданскую войну. Что будет на 200-летие — я не знаю. Возможно, новое поколение найдет что-то новое или вообще забудет.

— Но дети выходят из школы уже сейчас. В этой связи что такое «правильный» или «хороший» учебник истории? Он должен быть один или их должно быть много?

> Термин «нация» — нация гражданская, политическая — никак не отменяет возможность считать себя нацией в смысле этнической общности

— Тут нет сомнений: учебников должно быть много или хотя бы несколько. Единым должен быть стандарт. Но единый стандарт — это не единый учебник. Эта аксиома должна быть отлита, как говорил Дмитрий Медведев, в граните. Один учебник — просто монополия, риск. Многие страны предпочитают единый стандарт и принимают даже специальные законы. В Голландии, например, есть исторический канон — набор обязательных фактов. При этом он содержит и оценку, и интерпретацию.

— У нас есть историко-культурный стандарт. Он удовлетворяет текущую общественную потребность в историческом знании, которым должны обладать школьники на выходе из школы?

— Во-первых, этот стандарт учел все предшествующие наработки, он готовился в основном профессиональными историками из Института российской истории. Во многом обновив предыдущую программу — с учетом всех трансформаций, добавив последний период. Этот стандарт на сегодняшний день вполне достаточен. При этом стандарт должен периодически обновляться — как любой стратегический документ. Та же стратегия государственной национальной политики сейчас проходит стадию новой редакции: появились некоторые новые аспекты в нашей сфере, как говорят, «новые вызовы».
Фундаментальная наука — это не только некое ядро знаний. Как раз фундаментальная наука предполагает передовую черту линии знания, поисковую составляющую, ревизии, дискуссии. Чем отличается вузовский учебник от школьного: в нем должны быть изложены разные точки зрения, дискуссионные моменты. Студент должен думать, выбирать, может выносить свои суждения. Вузовский учебник уже должен быть приближен к состоянию современного профессионального знания. Фундаментальная наука имеет прежде всего ареол — это развивающаяся вещь. Если только на ядре сидишь и никого не подпускаешь к этому ядру, то это не наука.

— Как должны соотноситься знания и ценности в общественных науках?

— Ценностный подход очень важен. Нужно с младых ногтей прививать определенные ценности: что такое ценность мира и зло войны, что такое суверенитет, свобода. Надо не историю рабовладения изучать — на американском опыте, а вообще феномен рабства: что это, почему это плохо. Но ценностный подход нельзя помещать в центр: мол, важны не факты, а ценности. В книге «История и историки в США», которая вышла в 85-м году, я писал, что у них тогда возникло повальное увлечение value approach: все старые учебники почти готовы были сжечь, такая «подсечно-огневая» система была у них тогда. И даже выходили пособия учителям по темам, которые связаны с определенными ценностями, а не с событиями, этапами развития человеческой истории, страны или же какого-то института.
В то же время история должна быть воспитывающей наукой. Поэтому история России должна прививать не только знания об истории, но и чувство привязанности, сопричастности: «Моя Россия — это моя родина, моя страна. Может быть, я с чем-то не согласен, отношусь критически к ее прошлому или ее настоящему, но я в этом участвую». Это patrio. Страна существует не потому, что есть охраняемая граница, конституция, столица с символикой, а потому, что каждое ныне живущее поколение людей проводит свой внутренний референдум на сопричастность — о том, что «мы — это наша общая страна». Если общей лояльности и общего чувства «мы россияне, наша страна Россия» нет, то и страны нет. Подчеркну: сопричастность — это не обязательно безграничная любовь. Это не всем, к сожалению, понятно. Многие трактуют любовь к родине как обязательную норму для всех, но это нереально, утопично. Критическая и ответственная сопричастность — залог развития общества и страны.

КАК РАЗОБРАТЬСЯ В МОРЕ ИНФОРМАЦИИ О СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ

Самый наглядный инструмент навигации по морю — карта. Она помогает охватить взглядом все пространство, которое нужно пересечь, найти желаемый пункт прибытия, понять, с чем предстоит встретиться по пути. Именно поэтому формат карты был использован для того, чтобы систематизировать знание о существующих в России образовательных проектах. Их число постоянно увеличивается, они становятся все более сложными и многофункциональными, их все труднее вписывать в определенную систему координат. Но это только увеличивает потребность в грамотной навигации. Ее отсутствие чревато «изобретением велосипеда»: увлеченные люди считают свою идею единственной и неповторимой, не учитывают ни существующее конкурентное окружение, ни возможности кооперации. В результате время, энергия, средства тратятся не самым оптимальным образом:
бюджетные деньги расходуются на решения, у которых есть рыночные аналоги;
запускаются стартапы, повторяющие ошибки своих предшественников;
инвесторы чувствуют перспективу рынка, но не видят достаточного количества проектов с высоким социальным и экономическим потенциалом…
На решение этих проблем мы и нацеливались, наполняя представленную здесь карту образовательных проектов. Мы хотим, чтобы игроки образовательного рынка получили наглядное представление об устройстве всей экосистемы, основных тенденциях и рыночных нишах.
О каких игроках идет речь? Это предприниматели — создатели образовательных проектов, венчурные фонды и бизнес-ангелы — инвесторы в образовательные проекты, институты и органы государственного управления — заказчики и контролеры системы образования (образовательных и инфраструктурных решений). Карта может быть интересна и тем, кто пользуется этими ресурсами: директорам школ, педагогам основного и дополнительного образования, родителям и учащимся.
Структурно мы поделили все многообразие проектов на три условных сектора — в соответствии с их отношением к образовательному контенту: создание, управление и распространение.
Управление — к этой области карты относятся инструменты, влияющие на образовательный процесс со стороны (аналитика, контроль качества, организация процессов).
Распространение — ресурсы, предоставляющие в первую очередь не контент, а информацию о производителях контента, освещающие саму область образования, а также обеспечивающие взаимодействие участников экосистемы, включая педагогов и учащихся.
Создание — это собственно разработка образовательных материалов и их доставка учащимся как напрямую, так и с помощью систем управления и агрегации контента.
Границы у этих трех секторов зачастую размыты. Чем кластер ближе к границе, тем ближе свойства его проектов к свойствам соседнего сектора.
Уже в этом — первом — варианте карта решает практическую задачу поиска существующих на рынке игроков и решений. При этом мы пока не претендуем на ее полноту и приглашаем к сотрудничеству в ее развитии заинтересованных экспертов: на адреса start@s-ol.ru и map@rosuchebnik.ru вы можете присылать предложения по ее элементам и структуре.
В следующем варианте карты мы постараемся снять некоторые существующие сегодня ограничения. В частности, найти оптимальное решение для позиционирования многофункциональных проектов: пока, например, ЦСИО СОЛь представлен только в разделе «Акселерация и поддержка», но отсутствует среди «Экспертных центров», а «Российский учебник» не представлен ни в «Онлайн-контенте», ни в «Контенте для педагогов», хотя компании активно работают в этих секторах. Мы также думаем об адекватном отображении масштаба каждого проекта.

АНДРЕЙ АНДРУСОВ, ЦСИО СОЛь
АЛЕКСАНДР БРЫЧКИН, корпорация «Российский учебник»